

«Для ученого советская система и то, что стало происходить потом, что происходит сейчас, — это рай. Все процессы обнажены, нужно только смотреть с открытыми глазами, с определенным поворотом мозгов. Все обнажено, все ясно, очевидно, ничто пока не прячется. Пройдет еще немного времени, и все спрячут, отлакируют, и потребуются еще десятки или даже сотни лет, чтобы сделать те открытия, которые я сейчас называю банальными».

А. А. Зиновьев

Оглавление

Часть 1

1. Вступление. Общий анализ проблемы
2. Схемы манипулирования
 - 2.1. Страх как пример задействия базового инстинкта
 - 2.2. Провоцирование психики как форма эффективного манипулирования
 - 2.3. Невроз как основа подчинения
3. Концептуальная предрасположенность масс к манипулированию
4. Способы и методы подавления психики трудящихся масс
5. Знание законов коллективного бессознательного (воздействие на архетипы) на службе манипуляторов
6. Кодировка психики масс как форма манипулятивного воздействия
7. Формы и методы управления государством. Тоталитаризм или демократия
8. Скрытость манипулятивных методик в воздействии на психику индивида (массы)
9. Историческая предрасположенность современной России (как правопреемницы бывшего Советского Союза) к манипулированию. Революция 1917 г. как форма неизбежности смены правящего строя
10. Стремление индивидов к сосредоточению в массы как изначальная предрасположенность к манипулированию
11. Психоанализ как эффективная методика манипулирования. Модель психики по Фрейду

Часть 2

12. Тайные желания индивида
 - 12.1 Необузданность инстинктов
 - 12.2 Принцип удовольствия
13. Современные средства манипулирования
 - 13.1. Телевидение
 - 13.2. Манипулирование посредством СМИ (краткий обзор)
14. Законы массовой психологии на службе манипуляторов
 - 14.1. Внушение и заразительность

14.2. Влюбленность и либидо

14.3. Толпа и масса

14.4. Идентификация как предпосылка подчинения

14.5. Гипноз

15. Архетипическая составляющая массообразования. (Масса как первобытная орда).

Часть 3

16. Идеологическая обработка как неотъемлемая форма успешного управления (манипулирования) массами

17. Современная Россия. Фактор приверженности страны к использованию манипулятивных методик

18. Современная ситуация. Следствие и анализ действительности

19. Список использованных источников

Часть 1

1. Вступление. Общий анализ проблемы

Ситуация, сложившаяся в современной России, привносит немало вопросов в умы интеллектуалов, вынужденных наблюдать за перипетиями судьбы отчизны. Действительно, Россия являет ярчайший пример последствий происходивших преобразований. Только в прошлом, XX веке на долю нашей страны выпало множество различных испытаний, которые она, конечно же, выдержала (а если страна сохранила свой язык и территориальную целостность, то уже можно говорить, что так). Но и при этом следует заметить, что любые испытания закаляют характер как отдельного индивида, так и всей страны в целом. Как, впрочем, и являются материалом для многочисленных исследований, что вполне понятно и оправданно. Ведь даже за прошедшие сто лет (с момента первой революции и до сегодняшнего дня) по числу произошедших событий и последовавших изменений, связанных с воздействием на подсознание путем изменения идеологической составляющей, наша страна вполне уверенно выбивается в лидеры.

Однако рассмотрим последние несколько десятилетий. В исследовании которых, впрочем, мы совсем не можем отказаться от некоторых экскурсов и в историю.

Советская власть, просуществовавшая чуть более 70 лет, наметила определенную составляющую коллективного бессознательного индивидов, населявших некогда великую державу. При этом стало наблюдаться, по мнению современного российского ученого В. Медведева, высказанному в работе «Анализ структур коллективного бессознательного современного российского общества применительно к институту президентской власти»¹. «Весьма болезненное расслоение психики, типичное для человека переходной эпохи, вынужденного ломать традиционные модели поведения и формы их личностного обоснования. Ценности и идеалы, нормы поведения и идеологические иллюзии отходящей эпохи не могут быть просто отброшены и заменены чем-то новым. Их появление в сфере глубинных мотиваций было далеко не случайным, они эмоционально нагружены опытом наших ранних детских пережива-

ний, связаны с вхождением в этот мир через идентификацию с родителями, через уподобление им. Отказ от непосредственного воспроизведения данных поведенческих стереотипов, вынужденное их вытеснение в область личного бессознательного, куда человек обычно отбрасывает все неприемлемые для современной культуры мысли, побуждения и эмоции, порождает тяжелейший неврозогенный психологический конфликт. Сегодняшняя социально-психологическая ситуация предъявляет россиянину практически невыполнимое требование — отказаться от мира своего собственного детства, мира по-своему прекрасного, гармоничного и целостного, но всем своим содержанием (от детских сказок типа "Золотого ключика" до пионерской ритуалистики) альтернативного требованиям изменившейся культуры.

Последствиями такого принудительного предательства родительской культуры (или же, говоря психоаналитическими терминами, "греха отцеубийства") на уровне личности выступают повышенная тревожность, склонность к истерическим реакциям и паническим состояниям, а на общественном уровне — неустойчивость тенденций социальной динамики, непредсказуемость всплесков массовой деструктивности и податливость массового сознания различного рода маниакальным "измам". Российское общество страдает социально-психологическим расстройством, описанным еще основоположником психоанализа Зигмундом Фрейдом, — разрушена преемственность воспроизводства "Сверх-Я" культурного сообщества; т.е. запреты и нормы сложившегося нового общественного устройства, не пропущенные у данного поколения россиян через культуру детства, а, напротив, альтернативные ей, теряют личностный характер и становятся чем-то навязываемым извне, чуждым и раздражающим... Тот вариант имперского мифа, в рамках которого осуществлялось в XX веке саморегулирование социальной системы в России на протяжении жизни не менее трех поколений (с конца 20-х годов вплоть до августа 1991 года), представляет собой довольно-таки типичное идеологическое образование, поддерживающее стабильность в обществах, в силу ряда обстоятельств не имевших возможности выдержать режим формирования собственной национальной государственности (по отношению к современной России данный режим будет проанализирован ниже). Данный

тип социальной мифологии востребуется коллективным бессознательным общества в ситуации кризиса, возникающего в ходе построения национальной модели государственности и связанного с детским страхом одиночества, противопоставления себя через национальную идею всему остальному миру. Страх неизбежно порождает агрессивность, а бегство от пугающей отстраненности от других стран неизбежно приводит к идентификации с ними, к стремлению воссоединиться с ними в некую целостность. Таков социально-психологический источник всех форм имперской идеологии». Далее Медведев дает характеристику имперского мифа: «Имперский миф характеризуется следующими особенностями:

а) в отличие от национального мифа, консолидирующего людей на основании общего прошлого, исторической традиции, он создается вокруг общего будущего, некоей футурологической модели, подлежащей реализации. Ориентация на временную перспективу порождает особую форму идеологии — миф о грядущем всеобщем счастье, требующий от отдельного человека терпения и жертвенности;

б) имперский миф всегда глобален, пределы его территориальной и идеологической экспансии ограничиваются лишь рамками земного шара, а зачастую выходят и за его пределы (вспомним хотя бы весьма характерное и дорогостоящее соперничество двух великих имперских проектов XX века за право быть первыми на Луне). Глобальность притязаний имперского типа социального устройства определяет и особую сконцентрированность любых форм личностно мотивированной активности на достижении общей цели. Обоснование подобной "одномерности" поведенческих проявлений отдельного человека называется имперской идеей, которая легко выводит его из-под влияния семейных, профессиональных, территориально-групповых и национальных ограничений;

в) наличие имперского мифа (характерными, хоть зачастую и атавистическими признаками которого выступают глобусы и птичья символика в государственных гербах) демонстрирует нам текучесть, неустойчивость социума, неустойчивый характер всех его институтов. Долгие годы, пожалуй, даже столетия символика римских орлов и серпа и молота на фоне земного шара позволяла России экономить на всем "излишнем" типа собственной национальной идеи и собственной

национальной государственности. Быть "русским" означало присоединиться к великому походу "из варяг в греки", и изначально среди дружинников Ольгерда, Игоря и Святослава, штурмовавших Царьград и взивавших дань с подвластного им оседлого населения, славян было ничтожное меньшинство. И даже много столетий спустя цвет русского народа (но отнюдь не нации!), его дворянство, строило свои генеалогии исключительно по принципу поиска того, на каком этапе истории их предок — литвин, татарин, шотландский наемник или же эфиопский пленник — прикнул к очередному российскому имперскому проекту;

г) имперский миф вызревает в особого типа семейной среде, даже точнее сказать — вне семейной среды, в атмосфере демонстрируемой нелюбви (материнской депривации) и фрустрированности, т.е. отказа в удовлетворении первичных жизненных потребностей ребенка. Именно имперское общество породило такое калечащее психику человека, но крайне необходимое для воспроизведения требуемых от личности сверхкомпенсаторной активности и мазохистской жертвенности социальное изобретение, как детские ясли и детские сады. Подробный анализ символики детства человека имперской советской ментальности (сказок, игр, ритуалов детской и подростковой субкультуры), проведенный автором, позволяет выделить следующие характерные особенности культуры детства человека имперского типа:

а) установка на "неистинность отцов". Культивирование ситуации искусственного сиротства порождает психическую неуравновешенность, сверхнапряжение постоянного стремления компенсировать данный пробел поиском идеального Родителя и максимальной жертвенностью при служении связанной с его именем имперской идее. Архетип сиротства, который в условиях функционирования национального мифа становится для ребенка средством идентификации, сращивания со своей национальной принадлежностью, восприятия ее в качестве условия личности, у человека с имперским типом детства становится поводом уклониться от идентификаций на групповом и национальном уровнях;

б) негативный Эдипов комплекс. Стимулированная культурой детства невозможность самоотождествления себя с родителем своего пола приводит человека имперской культуры к разрушению традиционной модели семьи и досуга, порождает серьезные проблемы в сексуальной сфере, но зато придает не-

виданный размах сублимационной активности. Для человека, выросшего в культуре имперского мифа, психологически комфортными являются все альтернативные семье социальные образования (от трудовых и воинских коллективов до маргинальных и криминальных сообществ), поскольку негативно пережитая в детстве Эдипова ситуация порождает устойчивую тенденцию "бегства из семьи", становящейся "ячейкой общества", т.е. источником поддерживающей социальность тревожности;

в) Чрезмерная доза прямого устрашения в культуре детства (начиная со знаменитого: "...Придет серенький Волчок, и ухватит за бочок, и утащит во лесок...") и ориентация на агрессивность как средство снятия фобийности. Именно из данного источника вырастает типичное для имперской личности восприятие насилия как обыденной формы социального воздействия и нормы межличностной коммуникации. Поэтому, будучи объединены в массу (на митингах, демонстрациях, съездах и пр.), люди, выросшие под эгидой имперского мифа, востребуют ритуалы нагнетания агрессивности, направленной на созданный идеологией образ Врага, и устрашающие символы (типа серпа и молота, красного знамени, или же бюста жертвенного агнца-Ильича на фоне кровавой плюшевой скатерти), возвращающие каждого из них в атмосферу собственного детства».

«Имперский миф психологически чрезвычайно комфортен, — продолжает Медведев в своем исследовании, — несет в себе возможность избегания мучительного выбора модели личной самоидентификации, групповой конфронтационной дихотомии по принципу "мы и они", дает ощущение осмысленности и важности любых личных жертв во имя сохранения государственности и систем надличностного властвования. В рамках этого мифа человек легко социализируется, безболезненно входит в состояние "винтика" — функциональной принадлежности системы внешних ему социальных структур, не зависит от сдерживающих социальную динамику групповых и национальных традиций».

Далее Владимир Медведев приводит возможные варианты краха имперского мифа, а также перечисляет основные черты национального мифа, приходящего на смену имперскому:

«Но вечно это компенсаторное социально-психологическое состояние продолжаться не в состоянии, — отмечает ученый. — Крах имперского мифа неизбежно происходит по следующим причинам:

а) прохождение оптимума культурной и территориальной экспансии, что неизбежно приводит к чрезмерной унификации имперской идеи и формализации имперской идеологии;

б) потеря вследствие вышесказанного привлекательности имперского мифа для тех подданных империи, которые в силу тех или иных причин сохранили навыки групповой идентификации и механизмы взросления, опирающиеся на миф неполитического характера (чаще всего — национально-религиозный);

в) провал лежащего в основании мифа футурологического прогноза, наличие которого и делает имперский принцип организации общества изначально уязвимым, в отличие от национального, опирающегося на уже случившееся, хотя и часто переписываемое прошлое. Провал этот рано или поздно демонстрирует личности иллюзорность имперской идеологии и принципиальную нереализуемость имперской идеи. Согласно основному закону манипулирования массой людей, эффективность любой имперской идеи обеспечивается футурологическим прогнозом, соотносимым по времени с периодом смены одного поколения другим. И если для первого имперского поколения отказ от имперской идеи невозможен, ибо означает лишение смысла собственной жизни как совокупности обоснованных ею лишений и жертв, то второе, хотя и воспитанное в имперской культуре детства, уже чувствует психологический дискомфорт и реагирует на возникающую тревожность модификациями имперской идеологии (типа хрущевской "оттепели" и горбачевской "перестройки"). Третье же поколение, войдя в активный возраст, отторгает имперскую модель как полностью необоснованную. Таков механизм смерти социальных мифов, и потому период продуктивности любого имперского проекта сопоставим с продолжительностью жизни отдельного человека; он не может превысить интервал социальной активности трех человеческих поколений, т.е. 60 — 75 лет;

д) непосредственным поводом для краха имперского мифа в истории всегда было полное истощение (как экономическое,

так и психологическое) общества, наступающее вследствие реализованного или же постоянно готовящегося агрессивного импульса.

В советской России имперский социалистический миф, и так уже носивший надрывный, возвратный характер, являвшийся вынужденным наследником когда-то гремевших норманнского, византийского, великоординского, панславянского и коминтерновского проектов, явно истощился уже к началу 70-х годов. Осознание этого породило альтернативные имперские идеи, в частности, различного рода вариации "русской идеи" с сохранением имперской идеологии. Одной из самых ярких неоимперских моделей стала теория этногенеза Л. Н. Гумилева, которая попыталась восстановить традиционный тренд Империи на Восток. Усилиями отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и лично т. А. Н. Яковлева данные попытки реанимации имперского мифа были пресечены на корню, что объективно приблизило наступление периода "перестройки", т.е. вступления российского общества в период распада имперской структуры государственности и кризиса соответствующего ей типа психологии людей.

Результатом подобного рода распада в истории всегда было появление на территории бывшей империи ряда национально ориентированных государственных образований. На основе же имперского типа личности, т.е. фактически — душевного калеки, лишённого ряда подлинно человеческих качеств, связанных с групповыми формами самоидентификации, — постепенно, через реанимацию семейной религиозности и структур гражданского общества, в противовес подданному формировался гражданин.

Можно даже попытаться перечислить основные отличительные черты национального мифа, естественным образом сменяющего миф имперский, и того типа личности, на который он ориентирован:

а) устойчивый приоритет интересов более или менее многочисленной группы людей, связанной единым языком, территорией и исторической традицией, перед любыми другими групповыми и межгосударственными интересами;

б) стабильность элиты и ориентация взаимоотношений "элита — масса" на традиционную патерналистскую модель властвования, опирающуюся на естественные для любого человека семейные роли и религиозно-культурную традицию.

в) воспитание человека в семье в системе устойчивых моделей идентификации, что порождает личность хотя и менее творческую (т.е. невротичную), но зато более защищенную от болезненных последствий невротической тревожности».

2. Схемы манипулирования

2.1. Страх как пример задействования базового инстинкта

По нашему мнению, вполне определенно следует говорить, что и тогда, и сейчас главным достижением в управлении массами являлась идеология, базирующаяся на механизмах управления (манипулирования) массами. Причем после смены правящего строя (и концептуальной смены курса) направленность идеологической составляющей поменялась, а идеи, принципы и методы в целом остались схожими. Разве что несколько изменилась форма манипулятивного воздействия, связанная с ростом коммуникационных технологий. Телевидение, радио и интернет теперь подчинены общему курсу правящего режима. Причем уже можно говорить, что в последующем так будет всегда, независимо от того режима, который придет на смену ныне существующему. Никто не будет добровольно отказываться от возможностей, связанных с ростом глобализации. Хотя, как известно из истории, власть всегда находит, как использовать достижения науки, имеющиеся на тот момент. Например, во времена Гитлера не было высокоразвитых технологий, имеющих сейчас. И тем не менее, за вождем нации шли миллионы немцев. Не только искренне, но фанатично преданных ему.

Вообще же любопытно, что в так называемом тоталитарном обществе механизмы воздействия на подсознание масс с целью управления не только весьма тонко отлажены, но и в какой-то мере значительно эффективнее иных методик управления (даже связанных с так называемыми высокими технологиями). Причем управление в данном случае строится весьма просто: 1) идет инсценирование страха (страх один из самых мощных блокираторов нервной системы; при страхе получаемая информация достаточно легко откладывается в подсознание, а значит, выходит на первый план суггестия — как про-

граммирование масс с целью выполнения установок правящей элиты); 2) происходит управление с помощью страха. Страх в данном случае может быть весьма различен и всеобъемлющ. Это и т. н. глобальный страх, страх в результате внешней угрозы со стороны каких-либо государств. Это и страх каждого индивида за свою жизнь (вероятность возможного ареста, расстрела и проч.).

Управление массами с помощью страха действительно по-своему интересно и очень эффективно. При наступлении страха у индивида блокируется центральная нервная система. Все иные проблемы, существовавшие до нынешнего времени, отходят на второй план, а то и вовсе исчезают. Какие-либо желания (голод, жажда, секс, проч.) тоже исчезают. Сознание индивида занято исключительно поиском способов защиты от страха. И поэтому, когда появляется некая сила, способная защитить, индивиды, подверженные страху, с легкостью готовы принять любые условия в обмен на защиту. Отталкиваясь от психоанализа Фрейда, можно провести аналогию с детьми и родителями (строгой матерью или строгим отцом). В данном случае ребенок готов выполнить любые условия, выдвигаемые строгим родителем, только для того, чтобы на него не была направлена агрессия такого родителя. (Тут же хотелось бы заметить, что некоторые родители, испытывающие какие-либо внутриличностные проблемы, зачастую бессознательно отыгрывают на детях свои деструктивные эмоциональные проблемы, что в иных случаях негативно сказывается на детях.) И в случае государства в целом работает тот же механизм, та же схема. Идет какая-либо внешняя угроза. Отец (вождь, канцлер, генеральный секретарь, президент...) выступает защитником интересов трудящихся. И словно бы в обмен на это, народ, забыв про какую-либо индивидуальность, бросается в объятия к защитнику своих интересов, искренне доверяя свою жизнь и тем самым избавляясь от собственных мучений и страданий. У отдельного индивида (и в целом у индивидов, объединенных в массы) проходит беспокойство, какие-либо невротические и депрессивные состояния. Наступает состояние внутреннего успокоения, нравственной удовлетворенности. Что весьма ощутимо сказывается на его (их) благосклонном восприятии власти. А власть в последующем достаточно свободно реализует с помощью подобных индивидов, объединенных в

массы, какие-либо свои цели, претворяя в жизнь собственные решения, состоящие иной раз в отыгрывании внутриличностных проблем того или иного руководителя. Ведь власть и на самом деле завораживает. И помогает избавляться от комплексов и проблем, таившихся в подсознании. А с помощью страха, проецируемого на окружающих, возможно решить практически любые проблемы. Вот почему тот, кто стал руководителем (независимо от масштаба), кто получил возможность воздействовать на какую-либо группу (массу) индивидов, — уже ни за что добровольно не уйдет со своего поста, лишившись возможности управления с помощью подчинения. А если его и переведут с одной работы — он обязательно должен найти другую. Иначе возможно развитие совсем ненужной симптоматики психических заболеваний и вообще — болезни личности (души).

«...Отдельное эмоциональное побуждение и личный интеллектуальный акт индивида слишком слабы, чтобы проявиться отдельно, и должны непременно дожидаться заверки подобным повторением со стороны других, — писал З. Фрейд в своей программной работе "Психология масс и анализ человеческого Я"². — Вспомним, сколько этих феноменов зависимости входит в нормальную конституцию человеческого общества, как мало в нем оригинальности и личного мужества и насколько каждый отдельный индивид находится во власти установок массовой души, проявляющихся в расовых особенностях, словесных предрассудках, общественном мнении и т. п. Загадка суггестивного влияния разрастается, если признать, что это влияние исходит не только от вождя, но также и от каждого индивида на каждого другого индивида, и мы упрекаем себя, что односторонне выделили отношение к вождю, незаслуженно отодвинув на задний план другой фактор взаимного внушения. Научаясь таким образом скромности, мы прислушаемся к другому голосу, обещающему нам объяснение на более простых основах...».

Страх вообще универсальное (и едва ли не самое эффективное) средство управления массами. Как известно, страх относится к базовым инстинктам. Это то, что практически не поддается управлению. Что возникает порой хаотично, неза-

висимо от какого-то желания индивида. Как отмечал Фрейд в 25-й лекции по «Введению в психоанализ»³: «нервнобольные испытывают страх в гораздо большей степени, чем другие». Но ведь суть манипулирования как раз и заключается в том, чтобы любого индивида воспринимать как невротика. По большому счету, это и есть так. У каждого из нас есть определенные механизмы, воздействие на которые может приводить к образованию невроза (какой-либо из многочисленных форм невроза), а уже отсюда — к возможности управления индивидом (посредством вызывания невротичности). Как временная защита — ступор. Это не шизофренический ступор, вызванный своеобразным психическим заболеванием. В нашем случае как раз стоит говорить об образовании определенного промежутка времени, за который психика индивида должны привыкнуть к новой ситуации, проанализировать ее и найти верное решение. В данном случае практически одинаково действует психика и больного, и здорового человека. (При том что абсолютно здоровых людей единицы. Да и зачастую это никакое не здоровье, а управление своими эмоциями. Так же, как на детекторе лжи опытные разведчики или психиатры способны инсценировать нужные им эмоции, фактически обманывая установку и не выдавая истинного состояния души.)

«...Проблема страха — узловой пункт, в котором сходятся самые различные и самые важные вопросы, — отмечал Фрейд⁴. — ...О страхе можно много рассуждать, вообще не упоминая нервозности. Вы меня сразу поймете, если такой страх я назову реальным в противоположность невротическому. Реальный страх является для нас чем-то вполне рациональным и понятным. О нем мы скажем, что он представляет собой реакцию на восприятие внешней опасности, т. е. ожидаемого, предполагаемого повреждения, связан с рефлексом бегства, и его можно рассматривать как выражение инстинкта самосохранения. По какому поводу, т. е. перед какими объектами и в каких ситуациях появляется страх, в большой мере, разумеется, зависит от состояния нашего знания и от ощущения собственной силы перед внешним миром. Мы находим совершенно понятным, что дикарь боится пушки и пугается солнечного затмения, в то время как белый человек, умеющий обращаться

3 www.psychol-ok.ru

4 Там же.

с этим орудием и предсказать данное событие, в этих условиях свободен от страха. В другой раз именно большее знание вызовет страх, так как оно позволяет заранее знать об опасности. Так, дикарь испугается следов в лесу, ничего не говорящих неосведомленному, но указывающих дикарю на близость хищного зверя, а опытный мореплаватель будет с ужасом рассматривать облачко на небе, кажущееся незначительным пассажиру, но предвещающее моряку приближение урагана».

Рассматривая природу страха, Фрейд отмечает, что страх практически нельзя назвать целесообразным. Ведь при возникновении какой-либо опасности зачастую самым разумным (по крайней мере, в дикой природе) является бегство. Тогда как случаи показывают обратное. Страх парализует жертву. «...Если страх чрезмерно силен, — продолжает Фрейд⁵, — то он крайне нецелесообразен, он парализует тогда любое действие, в том числе и бегство. Обычно реакция на опасность состоит из смеси аффекта страха и защитного действия. Испуганное животное боится и бежит, но целесообразным при этом является бегство, а не боязнь.

Итак, возникает искушение утверждать, что проявление страха никогда не является чем-то целесообразным. Может быть, лучшему пониманию поможет более тщательный анализ ситуации страха. Первым в ней является готовность к опасности, выражающаяся в повышенном сенсорном внимании и моторном напряжении. Эту готовность ожидания следует, не задумываясь, признать большим преимуществом, ее же отсутствие может привести к серьезным последствиям. Из нее исходит, с одной стороны, моторное действие, сначала бегство, на более высокой ступени деятельная защита, с другой стороны, то, что мы ощущаем как состояние страха. Чем больше развитие страха ограничивается только подготовкой, только сигналом, тем беспрепятственней совершается переход готовности к страху в действие, тем целесообразней протекает весь процесс. Поэтому в том, что мы называем страхом, готовность к страху (Angstbereitschaft) кажется мне целесообразной, развитие же страха — нецелесообразным».

В какой-то мере в данной работе можно совсем не рассматривать многочисленные невротические страхи, так мучавшие психически больных людей. Однако, на наш взгляд,

стоит хотя бы вскользь упомянуть о тех формах страха, которые свойственны индивидам в пограничных состояниях, когда вы словно бы стоите на распутье, не зная, что произойдет в следующий момент: поглотит вас симптоматика невроза или отпустит.

Интересны для нашего исследования такие формы проявления страха как раз по причине искусственного вызывания их при манипулятивном воздействии. Когда словом, жестом, каким-либо знаком в индивиде (или в индивидах, заключенных в массы) вызывается (провоцируется) беспокойство. И для избавления от формы беспокойства подобный индивид должен выполнять установки (требования), выдвигаемые манипулятором. В противном случае возможны проявления невротизма от обсессивно-компульсивного невроза (невроза навязчивых состояний) до шизоидных состояний.

Прослеживая природу страха и отвечая на вопрос: «Какие формы проявления и отношения имеет страх у нервнобольных?», в 35-й «Лекции по Введению» в психоанализ, Фрейд отмечал⁶: «Во-первых, мы находим общую боязливость, так сказать, свободный страх, готовый привязаться к любому более или менее подходящему содержанию представления, оказывающий влияние на суждение, выбирающий ожидания, подстерегая любой случай, чтобы найти себе оправдание. Мы называем это состояние "страхом ожидания", или "боязливым ожиданием". Лица, страдающие этим страхом, всегда предвидят из всех возможностей самую страшную, считают любую случайность предвестником несчастья, используют любую неуверенность в дурном смысле. Склонность к такому ожиданию несчастья как черта характера встречается у многих людей, которых нельзя назвать больными, их считают слишком боязливыми или пессимистичными; но необычная степень страха ожидания всегда имеет отношение к нервному заболеванию, которое я назвал "неврозом страха" и причисляю к актуальным неврозам.

Вторая форма страха, в противоположность только что описанной, психически более связана и соединена с определенными объектами или ситуациями. Это страх в форме чрезвычайно многообразных и часто очень странных "фобий"... Некоторые из объектов и ситуаций, внушающих страх, и для

нас, нормальных людей, являются чем-то жутким, имеют отношение к опасности, и поэтому эти фобии кажутся нам понятными, хотя и преувеличенными по своей силе. Так, большинство из нас испытывает чувство отвращения при встрече со змеей. Фобия змей, можно сказать, общечеловеческая, и Ч. Дарвин очень ярко описал, как он не мог побороть страх перед приближающейся змеей, хотя знал, что защищен от нее толстым стеклом. Ко второй группе мы относим случаи, имеющие отношение к опасности, в которых, однако, мы привыкли не придавать ей значения и не выдвигать ее на первый план. Сюда относится большинство ситуативных фобий. Мы знаем, что при поездке по железной дороге возникает больше возможностей для несчастного случая, чем дома, а именно вероятность железнодорожного крушения; мы знаем также, что корабль может пойти ко дну, и при этом, как правило, люди тонут, но мы не думаем об этих опасностях и без страха путешествуем по железной дороге и по морю. Нельзя также отрицать возможность падения в реку, если мост рухнет в тот момент, когда его переходишь, но это случается так редко, что не принимается во внимание как опасность. И одиночество имеет свои опасности, и мы избегаем его при известных обстоятельствах; но не может быть и речи о том, чтобы мы не могли его вынести при каких-то условиях и всего лишь на некоторое время. То же самое относится к человеческой толпе, закрытому помещению, грозе и т. п. Что нас поражает в этих фобиях невротиков, так это вообще не столько их содержание, сколько интенсивность. Страх фобий прямо неопишуем! И иной раз у нас складывается впечатление, будто невротики боятся вовсе не тех вещей и ситуаций, которые при известных обстоятельствах и у нас могут вызвать страх, а тех, которые они называют теми же именами.

Остается третья группа фобий, которые мы вообще не можем понять. Если крепкий взрослый мужчина не может от страха перейти улицу или площадь хорошо ему знакомого родного города, если здоровая, хорошо развитая женщина впадает в бессознательный страх, потому что кошка коснулась края ее платья или через комнату прошмыгнула мышь, то какую же мы можем здесь установить связь с опасностью, которая, очевидно, все-таки существует для страдающих фобиями? В относящихся сюда случаях фобии животных не может быть

и речи об общечеловеческих антипатиях, потому что, как бы для демонстрации противоположного, встречается множество людей, которые не могут пройти мимо кошки, чтобы не помянуть ее и не погладить. Мышь, которую так боятся женщины, в то же время служит лучшим ласкательным именем; иная девушка, с удовольствием слушая, как ее называет так любимый, с ужасом вскрикивает, когда видит милое маленькое существо с этим именем. В отношении мужчины, страдающего страхом улиц или площадей, мы можем дать единственное объяснение: что он ведет себя, как маленький ребенок. Благодаря воспитанию, ребенка непосредственно приучают избегать таких опасных ситуаций, и наш агорафобик действительно освобождается от страха, если его кто-нибудь сопровождает при переходе через площадь.

Обе описанные здесь формы страха, свободный страх ожидания и страх, связанный с фобиями, независимы друг от друга.

Один не является более высокой ступенью развития другого, они встречаются вместе только в виде исключения, и то как бы случайно. Самая сильная общая боязливость не обязательно проявляется в фобиях; лица, вся жизнь которых ограничена агорафобией, могут быть совершенно свободны от пессимистического страха ожидания. Некоторые фобии, например страх площадей, страх перед железной дорогой, приобретаются, бесспорно, лишь в зрелые годы, другие, как страх перед темнотой, грозой, животными, по-видимому, существовали с самого начала. Страхи первого рода похожи на тяжелые болезни; последние кажутся скорее странностями, капризами. У того, кто обнаруживает эти последние, как правило, можно предположить и другие, аналогичные. Должен прибавить, что все эти фобии мы относим к истерии страха, т. е. рассматриваем их как заболевание, родственное известной конверсионной истерии.

Третья из форм невротического страха ставит нас перед той загадкой, что мы полностью теряем из виду связь между страхом и угрожающей опасностью. Этот страх появляется, например, при истерии, сопровождая истерические симптомы, или в любых условиях возбуждения, когда мы, правда, могли бы ожидать аффективных проявлений, но только не аффекта страха, или в виде приступа свободного страха, не-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru